

Ли Цин под этим взглядом мгновенно вспомнил, что вытворил меньше часа назад.

Если вкратце — совершил сексуальное домогательство.

А если по существу: сначала похлопал, погладил, помял, а когда понял, что ошибся человеком, от шока непроизвольно сжал пальцы, так что, если округлить, вышло ещё и некое подобие щипка.

У Ли Цина не только лоб покрылся испариной — холодный пот ручьями стекал по позвоночнику, и промокшая насквозь одежда липко и противно приклеилась к спине.

— Э-это самое, директор Чжан, — он выдавил из себя жалкую, вымученную улыбку. — В общем, я... я к тому, что это всё же личное дело каждого. Вы, конечно, мой начальник, но, думаю, я всё-таки имею право не отвечать. Вы ведь... вы ведь согласны со мной?

Чжан Ян не ответил ни да, ни нет, продолжая молча смотреть на него.

Его глубокий, непроницаемый взгляд, казалось, проникал в самые потаённые уголки души, и Ли Цина не покидало странное ощущение, будто этот человек видит его насквозь.

Сердце забилося чаще.

Может... ему стоило что-то предпринять?

За дверью.

Вне кабинета вице-директора коллеги Ли Цина по отделу с тревогой поглядывали на деревянную дверь. Не решаясь заговорить вслух, они тайком создали общий чат.

— О боже, наш Цинцзы там уже больше получаса! С ним ничего не случилось?!

— ...Он просто в кабинете, что с ним может случиться.

— Пожалуй, верно.

— Как думаете, может, директор Чжан узнал, что Цинцзы — единственный во всей компании, кто сегодня опоздал...

— Очень вероятно.

Чат мгновенно заполнился вереницей плачущих смайликов.

— Кстати, а вам не кажется... что директор Чжан чертовски красив? — Вэнь Юй, натура беспокойная, быстро строчила сообщение. — Честно говоря, у меня сейчас появилась одна дерзкая мысль...

Плачущие смайлики исчезли, сменившись на предвкушающие хихиканье.

На самом деле ориентация Ли Цина никогда не была секретом.

По его собственным словам, он совершил каминг-аут перед семьёй ещё на втором курсе университета.

Под семьёй подразумевалась мама, которая в тот момент подметала пол, и покойный отец, чья поминальная табличка стояла неподалёку.

Ли Цин уже плохо помнил, какое выражение лица было у мамы и что именно она сказала.

Единственное, что врезалось в память — это то, что обычный на вид веник оказался на удивление болезненным орудием.

С того дня Ли Цин не скрывал свою ориентацию от друзей.

Правда, он не собирался выворачивать душу наизнанку перед людьми, с которыми едва познакомился.

И как раз в тот момент, когда в чате царило всеобщее веселье, дверь кабинета их чертовски красивого нового вице-директора отворилась.

Ли Цин вышел наружу.

Все увидели, что его глаза покраснели, дыхание было сбивчивым, а несколько прядей волос, намокших от выступившего пота, прилипли к гладкому лбу. Даже походка казалась какой-то странной.

Коллеги многозначительно переглянулись и один за другим одарили Ли Цина одинаковыми двусмысленными взглядами, которые ясно говорили: не надо ничего объяснять, мы всё понимаем.

Ли Цин, у которого ноги затекли от долгого сидения: ???

...Нет, погодите, почему это я ничего не понял!

Может хоть кто-нибудь объяснить, что именно вы там себе напридумывали?!

<http://bllate.org/book/20055/1982772>